

УДК 811.161.1

А. А. Брыкова

Высшая школа печати и медиатехнологий Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна, kakoslik88@yandex.ru;

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ В АБСУРДИСТСКОЙ ПРОЗЕ ДЛЯ ДЕТЕЙ КАК СПОСОБ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ЧИТАТЕЛЕМ (НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА РАССКАЗА Д. ХАРМСА «О ТОМ, КАК СТАРУШКА ЧЕРНИЛА ПОКУПАЛА»)

Исследуется диалогическая форма речи рассказа Д. Хармса «О том, как старушка чернила покупала», доказываемая, что последовательное нарушение правил коммуникации, в первую очередь максим Грайса, при формальном соблюдении принципов диалогической связности, имеет целью вовлечь читателя в сюжет и заставить его самостоятельно вывести законы успешного речевого взаимодействия.

Детская публицистика, диалогическое единство, речевой акт, коммуникативная неудача, речевой этикет

Советская детская публицистика 20-30-х гг. прошлого века представляет собой интересный материал для лингвопрагматических исследований, так как ей приходилось решать множество разнородных задач, как языковых, так и внеязыковых, зачастую выбирая для этого нетривиальные пути. Объяснялось это тем, что в детской публицистике того периода работали талантливые авторы и иллюстраторы, среди которых был Б. Малаховский, А. Введенский, Н. Олейников и Д. Хармс, чье художественные и лингвистические эксперименты в детской литературе отвечали требованиям времени и ожиданиям адресата-ребенка. Лингвистическую специфику советских текстов для детей, созданных с учетом особенностей восприятия адресата, можно проиллюстрировать на примере анализа рассказа Д. Хармса «О том, как старушка чернила покупала», напечатанного в 1928 г. в журнале «Еж».

Детские журналы «Еж» и «Чиж», выходившие в Ленинграде в 20-40-гг. XX в., представляют собой неординарное явление в советской и шире в российской детской публицистике, так как эти журналы создавались в эпоху перемен и экспериментов, что отразилось на материале и способах его подачи. Журнал «Еж» был ориентирован на детей старшего школьного возраста и выходил один, реже два, раза в месяц в период с 1928 по 1935 гг. Авторы журнала видели своей целью не только воспитывать юных читателей, которым нужно было помочь стать полноценными членами нового советского общества, но и развлекать их, взаимодействовать с ними, приглашать к сотворчеству.

Так как журнал «Еж» предназначался для детей старшего возраста, его тексты обнаруживали большее тематическое и жанровое разнообразие, а также более сложные способы речевой организации, требовавшие от читателя больших знаний о правилах коммуникативного взаимодействия.

Рассказ Д. Хармса «О том, как старушка чернила покупала» представляет собой небольшую зарисовку советского общества, показанного глазами представителя другой культурной эпохи. Организация сюжета сближает рассказ с произведениями жанра похождения (старушка ходит по городу в поисках чернил), а нарративные и коммуникативные стратегии делают его неоднозначным для читателя-ребенка.

Тексты в жанре похождения/ путешествия появлялись достаточно часто и в журнале «Еж», и в журнале «Чиж», так как позволяли реализовать познавательную функцию детской литературы, знакомить читателей с реалиями нового общества, с традициями других стран.

В коммуникативном плане для текстов такого типа, как и для детской сюжетной прозы вообще, значимым оказывалась диалогическая форма речи, которая становилась своего рода композиционным центром рассказа. В случае рассказа Хармса это особенно значимо, так как сюжетное развертывание становится возможным только по причине постоянных, повторяющихся коммуникативных неудач, которые мешают старушке узнать, где купить чернила.

Диалогическая форма речи активно используется авторами произведений для детей, так как является для юных читателей наиболее естественной формой общения [8, с. 58]. Ее появление облегчает процесс восприятия текста, так как диалог выполняет поддерживающую функции относительно сюжета.

Диалогическая форма речи коррелирует и с речевым этикетом, так как имитация непосредственного речевого взаимодействия выводит на первый план и самих персонажей, и их социальные роли, учет которых необходим для создания коммуникативно благоприятной атмосферы [6]. Это тем более важно для текстов советской детской публицистики, так как речевой этикет в 20-30-е гг. прошлого века находился на стадии становления (с учетом изменившихся социальных реалий), и детская литература имплицитно, путем представления конкретных коммуникативных ситуаций, знакомила читателя-ребенка с этим этикетом.

В этом отношении показательно, что весь рассказ Хармса строится на коммуникативной неудаче, тем самым актуализируя само понятия речевого взаимодействия. Лингвистический анализ диалогической формы речи в рассказе Хармса указывает, что коммуникативная рассогласованность обнаруживается на фоне строго соблюдения принципов адаптации разговорной речи, текстовой и иллокутивной связности.

Среди принципов адаптации разговорной речи выделяются наиболее распространенные [2] — неполные предложения (стационарные и нестационарные эллиптические структуры), инверсии, синтаксический параллелизм, последовательно использующиеся в репликах одних и тех же персонажей: — *Сюда пожалуйста! Пожалуйста сюда!* [11, с. 139]; — *Во, — говорит, — за рупь отдам* [11, с. 138]; — *Значит, нет у вас чернил, — сказала старушка и дальше пошла. <...> Нет ли у вас чернил?* — спросила старушка [11, с. 139]. Довольно часто в репликах встречаются частицы и модальные слова, звукоподражательные междометия, нерасчлененные слова-предложения *да/нет*: — *Да ведь тут чернил не продают,* — сказал толстый человек [11, с. 146]; — *Ха, ха, ха!* — рассмеялся толстый человек [11, с. 147]; — *Пожалуйста, приехали, шестой этаж, выше некуда* [11, с. 144]; *Берите, — говорит, — недорого прошу. — Нет,* — говорит старушка, — *мне чернила* [11, с. 139].

В диалогической форме речи рассказа преобладают простые предложения, укладываемые в одну, реже в две, строки. Сложные предложения относительно редки и используются в целях уточнения понятия (неполные сложноподчиненные предложения нерасчлененной структуры с придаточными определительным) или для оформления речевого акта комиссива [9] – сложные многокомпонентные предложения с условным значением: — *Чернила, **которыми** пишут, — пояснила старушка* [11, с. 146]; — *Расскажите вы нам о том, как вы чернила покупали, а мы про вас книжку напишем и чернил дадим* [11, с. 147].

Переход из диалогической в монологическую, повествовательную, форму речи в рамках реплики персонажа был отмечен лишь дважды и реализовывался с помощью конструкций, тяготеющих к паратаксису, характерному как для устных монологов, так и для нарратива произведений для детей в целом [8, с. 59]. Речи идет о многокомпонентных предложениях с преобладающими сочинительными и бессоюзными видами связи: *А у меня рассказ очень интересный, — сказал толстый человек. — Пришел этот мальчик домой, отец его спрашивает, где он был, а лягушка из живота отвечает: ква-ква!* [11, с. 145]

Формальная связность диалогической формы речи достигается в первую очередь за счет речевых повторов, связывающих воедино отдельные реплики, и местоименных повторов, обнаруживаемых внутри реплик отдельных персонажей: — *Ах ты, батюшки, куда же это **снег** делся? А соседи засмеются и кричат ей: — Ну, виданное ли дело, чтобы **снег** летом на земле лежал?* [11, с. 137]; — ***Вы** что, — говорит, — будто с луны свалились! **Вас** же задавить могут* [11, с. 142].

Однако анализ отдельных диалогических единств показывает, что иллюкутивная связность речи выдерживается лишь формально, за счет появления иллюкутивно связанных реплик типа вопрос-ответ [1], которые определяют все развертывание коммуникации, так как старушка адресует свой вопрос о чернилах разным персонажам.

Все зафиксированные в рассказе коммуникативные единства типа вопрос-ответ заканчиваются коммуникативной неудачей, только одна из которых вызваны внеязыковыми факторами [4], четко обозначенными в повествовательной части текста: *Потом [старичок – А.Б.] закурил папиросу и, спрятав спички, **прошамкнул** беззубым ртом: — Шешиши пошאותся в магашише. Старушка **ничего не поняла**, а старичок пошел дальше* [11, с. 143].

Большая же часть коммуникативных неудач объясняется прагматическими причинами [7], а именно нарушением принципа кооперации, разностью прагматических установок говорящих, обнаруживающихся при анализе речевых актов в ответах персонажей: *Скажите, — кричит она дворнику, — где чернила продаются? — Что? — кричит дворник. Старушка ближе: — Чернила! — кричит. — **Сторонись!** — кричит дворник, пуская струю воды. Старушка влево, и струя влево. Старушка скорей вправо, и струя за ней. — **Ты что,** — кричит дворник, — **с луны свалилась**, видишь, я улицу поливаю!* [11, с. 138]. Стандартная структура вопросно-ответного единства предполагает наличие интеррогатива и репрезентатива, напрямую связанного с пропозицией предыдущей реплики. Однако в исследованном материале позиция репрезентатива может замещаться директивом [9] или оценочным экскламативом, указывающим на несовпадение коммуникативных установок говорящих и на нарушение принципа отношения Грайса [3], что подчеркивается в повествовательной части рассказа.

Появляются также так называемые псевдиалоги, построенные на серии повторов-переспросов, последовательно чередующихся со словами-предложениями типа *да/нет* и обнаруживающими нарушения принципа количества, так как они не способствуют успешному развитию коммуникации и используются как один из приемов замедления сюжета: *Наконец-то парень расслышал, что говорила ему старушка. — Чернила? — переспросил он. — Да, чернила. — Чернила? — Чернила. — А рыбы не нужно? — Нет. — Значит, чернила? — Да. — Да вы что, с луны, что ли, свалились! — сказал парень* [11, с. 139].

В качестве еще одного способа замедления сюжета используются диалоги, обнаруживающие нарушения максимы качества: *— Мне чернила нужны, а не ягоды, — говорит она. — Какие чернила — красные или черные? — спросила торговка. — Черные, — говорит старушка. — Черных нет, — говорит торговка. — Ну тогда красные, — говорит старушка. — И красных нет, — сказала торговка, сложив губы бантиком* [11, с. 140]. Абсурдность приведенного диалога, формально построенного с соблюдением принципов речевой и иллокутивной связности, объясняется тем, что нарушается закон исключенного третьего: оба взаимоисключающих варианта (красные или черные чернила) оказываются недоступными, тем самым инициативная реплика в виде альтернативного вопроса выглядит коммуникативно неоправданной.

Отдельные же вопросно-ответные диалогические единства остаются только в статусе потенциальных из-за полного отказа от коммуникации тех или иных персонажей рассказа, что представляет собой нарушения принципа кооперации: *Подошла к нему старушка и говорит: — Где бы мне про чернила узнать? А тот к ней даже головы не повернул, показал только рукой на какую-то дверку, небольшую <...>* [11, с. 144].

Нарушение максим Грайса появляется и в репликах диалогов, не связанных отношениями иллокутивного вынуждения: *— Да, — говорит толстый, — написал я рассказ о мальчике, который лягушку проглотил. Очень интересный рассказ. — А я вот ничего выдумать не могу, о чем бы написать, — сказал тонкий, продевая шнурок через дырочку. — А у меня рассказ очень интересный, — сказал толстый человек. — Пришел этот мальчик домой, отец его спрашивает, где он был, а лягушка из живота отвечает: ква-ква!* [11, с. 145]. Приведенный пример представляет собой две иллокутивно не связанные репрезентативные реплики, превращающие коммуникацию в псевдиалог. Первая реплика может быть охарактеризована как косвенный директив [10], просьба о помощи / совете (маркерами чего становится модальный глагол с отрицательной частицей, усиленный отрицательным местоимением и инверсивным порядком слов). В свою очередь, речевая реакция адресата реплики ограничивается характеристикой и развернутым пересказом собственного произведения, что указывает на несовпадение прагматических целей говорящих, замкнутости говорящих на себя (на это указывает и личное местоимение первого лица), их условную кооперацию.

В этом отношении показательно, что единственным персонажем, последовательно соблюдающим в рамках этого конкретного сюжета все требования прагматически успешной коммуникации, является старушка, о которой в рассказе «люди говорили <...> что она с луны свалилась» [11, с. 137]. Мотивируется эта характеристика в первую очередь неуместными вопросами, которые в начале рассказа задает старушка: *Выйдет старушка другой раз летом на двор, посмотрит вокруг и скажет: — Ах ты, батюшки, куда же это снег делся? А соседи засмеются*

и кричат ей: — Ну, виданное ли дело, чтобы снег летом на земле лежал? **Ты что, бабка, с луны свалилась, что ли?** Или пойдет старушка в керосиновую лавку и спросит: — Почем у вас французские булки? Приказчики смеются: — Да что вы, гражданка, откуда ж у нас французские булки? **С луны вы, что ли, свалились?** [11, с. 137].

Неуместность определяется несовпадением ремы (объекта) вопроса и более широкого коммуникативного контекста, в который включается время года или конкретное место (керосиновая лавка). Однако характеристика персонажа не может считаться постоянной (неверифицируемой и истиной), на что указывает неопределенно-личная форма глагола *говорить*, лексического маркера эвиденциальности, указывающего на косвенные источники информации, которые могут быть подвержены сомнению [5].

Характеристика «с луны свалилась» [11, с. 137], однако, становится сюжетообразующей, так как завершает почти все диалоги персонажей со старушкой, несмотря на то, что максимы Грайса в процессе коммуникации нарушает не она, а ее собеседники.

Соблюдение старушкой принципов потенциально успешной коммуникации прослеживается как на иллокутивном уровне, так и на уровне речевого этикета. На иллокутивном уровне ориентация на кооперацию обнаруживается в адекватной вербальной и невербальной реакции на реплики, требующие ответа, — интеррогативы и директивы: — *А что, ваш сын тоже писатель?* — спросил толстяк. — **Нет**, — сказала старушка, — **он лесничий** [11, с. 146]; <...> а ей уж торговка кричит: — *Сюда пожалуйста! Пожалуйста сюда!* Старушка **подошла** к её ларьку и очки надела, думая *сейчас чернила увидеть* [11, с. 139]. Речевые ответные реплики старушки оформлены в соответствии с максимальной количества, нередко ограничиваются одним-двумя словами, отказы мотивированы с помощью бессознательных предложений: — *Берите*, — говорит [парень — А.Б.], — *недорого прошу*. — **Нет**, — говорит старушка, — *мне чернила...* [там же].

Соблюдение речевого этикета наблюдается в последовательном использовании вежливых форм релятивов, этикетных междометий, выступающих в качестве маркера выхода из ситуации коммуникации: — **Скажите**, — кричит она дворнику, — *где чернила продаются?* [11, с. 138]; — **Прощайте**, — сказала старушка и пошла [11, с. 140]. Этикетные междометия (например, междометие *пожалуйста*) обнаруживаются и в репликах других персонажей, однако не способствуют успешному развертыванию коммуникации из-за нарушения принципа кооперации, то есть используются формально.

Таким образом, в рассказе Д. Хармса представлен весьма неоднозначный вид коммуникации, обнаруживающий соблюдение только внешних (в том числе этикетных), но не глубинных принципов связности, нарушение максим Грайса всеми персонажами за исключением главного, чье поведение, однако, охарактеризовано негативно. Адекватное восприятие такого типа коммуникации требует от читателя-ребенка значительных усилий и критического подхода. Тем самым знакомство читателей с правилами коммуникации происходит нетривиально — путем последовательного нарушения всех негласных принципов успешного речевого взаимодействия.

Лингвистический анализ диалогической формы речи рассказа Д. Хармса показывает, что, решая просветительские и эстетические задачи, автор идет по пути

усложнения нарратива и нарушения негласно принятых коммуникативных правил, создавая абсурдистскую реальность, не только отвечающую запросам читателя-ребенка, но и вовлекающую этого читателя, заставляющую критически оценивать происходящее, одновременно погружаясь в абсурд. Абсурд, который тем более усиливается тем, что рассказ построен по принципу кольцевой композиции (последняя фраза рассказа совпадает с его названием, что подчеркивается на уровне графики), и поэтому обречен вечно повторять сам себя снова и снова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А. Н., Крейдлин Г. Е. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога // Вопросы языкознания. 1992. № 2. С. 84–99.
2. Будагов Р. Л. Литературные языки и языковые стили. М.: Высшая школа, 1967.
3. Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16: Лингвистическая прагматика. М: Прогресс, 1985. С. 217–238.
4. Ермакова О. Н., Земская Е. А. К построению типологии коммуникативных неудач // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект / Отв. ред. Е. А. Земская, Д.Н. Шмелёв. М.: Наука, 1993. С. 30–64.
5. Козинцева, Н. А. Типология категории засвидетельствованности // Эвиденциальность в языках Европы и Азии: Сборник статей памяти Натальи Андреевны Козинцевой / Отв. ред. В. С. Храковский. СПб.: Наука, 2007. С. 6–36.
6. Крысин Л. П. Речевое общение и социальные роли говорящих // Социально-лингвистические исследования. Сборник статей / Под. ред. Л. П. Крысина и Д. Н. Шмелёва. М.: Наука, 1976. С. 42–52.
7. Падучева Е. В. Прагматические аспекты связности диалога // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1982. Т. 41. № 4. С. 305–313.
8. Руднев Д. В., Брыкова А. А. Особенности построения диалога в современной детской литературе // Русский язык в школе. 2012. № 7. С. 58–64.
9. Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17.: Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 170–194.
10. Серль, Дж. Р. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17.: Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 195–223.
11. Хармс Д. И. Полное собрание сочинений. Том 3: Произведения для детей / Под. текста А. В. Коскелло, В. Н. Сажина, Д. В. Сажина. Составление и примечания В. Н. Сажина. СПб.: Академический проект, 1997.

A. A. Brykova

Higher School of Printing and Media Technologies of Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

COMMUNICATIVE STRATEGIES IN ABSURDISTIC CHILDREN'S LITERATURE AS A WAY OF COOPERATION WITH YOUNG READERS (A CASE STUDY OF D. CHRAMS'S STORY "HOW AN OLD LADY WAS BUYING SOME INK")

Dialogues and monologues of the story by D. Harms "How an Old Lady was Buying Some Ink" are analyzed to show that the serial breaks of communicative rules, first of all

cooperation principles of Grice, were used to make young reader immersed in the plot and make them understand the rules of successful communication by themselves.

Children's magazines, dialogical unity, speech act, communicative failure, speech etiquette

УДК 811.161.1'243

И. А. Волонцевич

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина),
volontsevich.irina@mail.ru

Н. Ю. Мамонтова

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина),
zodika56@mail.ru

ИЗ ОПЫТА СОЗДАНИЯ УЧЕБНОГО ПОСОБИЯ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ К КУРСУ ЛЕКЦИЙ «МИКРОПРОЦЕССОРНЫЕ УСТРОЙСТВА СИСТЕМ УПРАВЛЕНИЯ»

Данная статья отражает актуальные проблемы создания учебного пособия по русскому языку как иностранному (научный стиль речи) преподавателями кафедры русского языка (Волонцевич И. А., Мамонтова Н. Ю.) к курсу лекций «Микропроцессорные устройства систем управления» доцента ФЭА кафедры САУ «ЛЭТИ» С. Е. Голика. В статье представлена система заданий, включающая в себя лексико-грамматические, коммуникативные упражнения, позволяющие студентам-иностранцам подготовиться к слушанию лекций по курсу «Микропроцессорные устройства систем управления».

Русский язык как иностранный, научный стиль речи, учебное пособие

Сотрудничество университетов СПбГЭТУ «ЛЭТИ» и СТИ (г. Сюйчжоу, КНР) началось в 2009 году. Совместная образовательная программа строится по схеме «три плюс один».

Первый этап включает в себя три года обучения на родном языке учащихся в СТИ по согласованному с СПбГЭТУ «ЛЭТИ» учебному плану, а также глубокое изучение русского языка. Занятия по русскому языку проводят преподаватели кафедры русского языка СПбГЭТУ. Каждый семестр университет посылает в Сюйчжоу преподавателей-предметников, которые читают лекции по профильным предметам на русском языке, поэтому для преподавателей кафедры русского языка актуальной задачей является работа над пособиями по научному стилю речи.

Второй этап – это четвёртый год обучения в СПбГЭТУ «ЛЭТИ» на русском языке и защита диплома в России.